

— Московский
Детектив —

**Татьяна
СТЕПАНОВА**

**ПРИЗРАК
БЕЗЫМЯННОГО
ПЕРЕУЛКА**

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Оформление серии *А. Дурасова*

- Степанова, Татьяна Юрьевна.**
С79 Призрак Безымянного переуллка : роман /
Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо,
2019. — 352 с. — (Московский детектив).

ISBN 978-5-04-183163-9

В московском Безымянном переуллке, в подвале бывшей мыловаренной фабрики, найдено захоронение вековой давности. Останки принадлежат семерым, двое из них дети, причем все застрелены из «маузера» в затылок. Это давнее убийство-казнь повлекло за собой кровную месть и череду новых преступлений, не менее страшных и загадочных. Жуткая семейная история мыловаров Астаховых, передающих свое дело и свою тайну по женской линии: от Аннет к Авроре, Александре, Алисе, — чрезвычайно заинтересовала старшего лейтенанта полиции Дмитрия Лужкова, а также Екатерину Петровскую, криминального обозревателя пресс-центра ГУВД, и ее старинного друга Сергея Мешерского. Втроем они и берутся за расследование мрачного преступления, срок давности которого миновал...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т. Ю., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-183163-9

О закрой свои бледные ноги

Валерий Брюсов

Глава 1

ЩЕЛОК, ЛАВАНДА И ЖИР

Вся эта полифония ночи...

Если это не музыка, то что это? Сон?

О кошмарах пока говорить рано.

От кошмаров порой помогают таблетки.

Но порой и не помогают, увы...

Самый глухой темный час, но Москва не спит. Москва вся в рекламных огнях, фонарях, осеннем дожде, облаках, разорванных ветром в клочья, звездах, которых не видно.

Словно огромный оркестр настраивает инструменты — шум машин с Андроньевской площади, грохот и звон трамвая, натужно поднимающегося в горку Андроньевского проезда. Музыка по телевизору, включенному где-то на нижнем этаже кирпичного дома, где не спят старики, мучаясь бессонницей.

Крики ворон, угнездившихся в кронах старых, словно нечесанных, лохматых тополей в саду церкви.

Ворон будит по ночам яркий свет рекламного панно, и они хрипло каркают, словно надсадно кашляют.

А может, это кашель за стеной...

И звон. Легкий, тонкий, как звук челюсты, звон хрусталя.

Хрустальные подвески на люстре? Да, и они — звучат, еле заметно подрагивая. Это от того, что трамвай, лягая и стуча колесами, опять поднимается в горку от Волочаевской улицы к монастырю.

Волочаевская улица — вся в серых многоквартирных домах, дворы закрыты шлагбаумами. Переулки в этот час тихие, словно мертвые. И свет горит лишь в редких окнах.

А подвески люстры под высоким лепным потолком звенят, зовут в ночь.

И не только они. Изящные старинные хрустальные флаконы из-под духов, собранные, выставленные на полках французского шкафа-витрины, подают свой голос — звон каждый раз, когда по Андроньевскому проезду грохочет трамвай.

Когда в этой комнате, на паркете, покрытом лаком, прыгали, плясали, играли в догонялки дети, флаконы за стеклом шкафа-витрины тоже пускались в пляс.

Разноцветное стекло — розовое, синее, золотистое, прозрачное. Но это всего лишь пустая тара. Эти флаконы никогда не были заполнены настоящими духами.

Потому что ФАБРИКА свои духи так и не создала.

На фабрике варили мыло и делали крем. Производили лечебную косметику.

А потом много чего другого, потому что время шло, все менялось, в том числе спрос и конъюнктура.

На полках шкафа-витрины и сейчас можно увидеть прелестные жестяные коробочки для мыла, украшенные пухлыми херувимами, пленительными пышнотелыми дамами с букетами роз и просто цветами — каскадом, водопадом цветов, намалеванных прямо на жести.

Хризантемы... Это мыло «Гейша».

Розы... Это мыло «Шираз».

Сирень... Ох, это конкуренты — мыло «Персидская сирень», фабрика Брокера.

Брокеру в этих стенах всегда желали удавиться в намыленной петле. Только вот чтобы мыло для веревки было своим, фабричным. Потом это, правда, стало неактуально, потому что Брокер сгинул сам по себе.

Фиалки... Это мыло «Парма».

Полынь... Да, да, полынь, такая проза, трава... Но это знаменитое мыло «Луговое», самое демократичное и популярное после «мыла от перхоти». Его покупали когда-то все: и гимназисты, и офицеры, и барышни, и сановники, и купцы, и мещане, и актеры Больших и Малых Императорских театров — и даже на Хитровку его привозили в целях благотворительности, и в простонародные бани.

Там такая зеленая жестяная коробочка и на ней трава — полынь. А для бедных его вообще заворачивали в грубую бумагу.

Гвоздика... Мыло для господ «Осман-паша».

Мак... Мыло «Лауданум».

Его потом хотели со скандалом изъять из производства, потому что опий есть опий, даже в мыле.

Лаванда... Мыло «Прованс».

И оно, это мыло...

О, не надо, не надо, не надо, нет больше сил, когда это снится!

О, пожалуйста, не надо, я вас прошу, я вас умоляю! Это же так страшно.

Эти кошмары... Вот опять...

Звон хрусталя.

Грохот трамвая.

Темная ночь.

Стон.

Женщина в широкой, как море, двуспальной кровати заворочалась, заметалась на подушках. Она стонала, почти кричала во сне. Кричала от страха и боли.

Электронные часы-будильник на широком мраморном подоконнике показывали 3.33.

Колдовское время, когда открывают глаза все ночные чудовища, все страхи, все наши самые тайные

кошмары и фобии. Жуткие, желтые, горящие во тьме глаза... И прячутся, прячутся из тьмы, скалясь окровавленными клыкастыми ртами.

Эти твари...

Кошмары...

Женщина в кровати повернулась на бок, подтягивая колени, корчась, сжимаясь в позе эмбриона, словно пытаясь спрятаться, зарыться в подушки и матрас. Одежда свесилась до пола.

Пустая темная спальня. Незашторенное окно. На ковре, на самой середине, сброшенные лодочки «Шанель». Сумка «Шанель», открытая, словно в ней лихорадочно что-то искали перед сном... Что? Конечно же, таблетки, чертовы пилюли...

Голубое платье из тонкого кашемира, кружевной лифчик, трусики — все комом на полу. Тут же у кровати — пустая бутылка белого вина «Шабли».

Все это — самая обычная картина для этой спальни. Как и бутылка, как и рассыпанные по паркету таблетки.

Но эти средства давно уже не помогают. Ни черта вообще не помогает, когда вот так кричишь, стонешь и корчишься во сне, потому что...

Сон...

Кошмар...

Он такой вкрадчивый...

Он такой реальный, такой осязаемый.

Такой горячий, горячий, как вар.

Вар и пар. Щелок и жир. И еще лаванда, эта чертова лаванда, ей так пахнет, так воняет!

Так воняет этой душистой лавандой — гордостью Прованса, что глаза слезятся и в горле першит.

И вроде как ничего не видно поначалу в этом ночном кошмаре. Потому что пар... Едкий пар наполнил фабричный цех.

Но дальше все же можно разглядеть главные детали. Железные балки под высоким потолком цеха, еще не тронутые ржавчиной. И на них — стальные цепи с крюками, чтобы цеплять формовочные емкости и отправлять по балкам, как по рельсам, в формовочный цех.

Пол, выложенный крепкой каменной плиткой. Плитка вся мокрая. Потому что чаны полны, в них все кипит и бурлит и выплескивается наружу, словно из ведьминового котла.

Три огромных чана. Щелок, жир...

Жир, щелок...

Брикеты лаванды тут же в железной тачке, но лаванду в чаны пока еще не добавляли. Это позже.

Нечем дышать от всепроникающей вони. Как бы описать эту вонь поточнее? Ведь кошмар — он весь соткан не только из зрительных образов, но и из запахов. И это самое страшное. Когда женщина просыпается с воплем ужаса, она все еще чувствует этот запах, словно вкус на языке.

Щелок — запах золы, разведенной в кипятке.

Жир...

А вот тут сложнее. Потому что вонь такая, словно варят крепкий бульон. Варят какое-то мясо в одном из клокочущих чанов.

Во сне она всегда видит то, что там плавает.

Мутная жижа. Но так всегда на первых этапах, когда варят мыло.

В чане что-то булькает, с глухим треском лопается. Это лопаются бедренные кости или ребра.

Или лопается череп, и кожа и плоть сходят с голой кости клоками.

Из кипящей клокочущей воды показывается рука — чудовищного вида, багровая, вываренная, со скрюченными пальцами.

Багровая пятка, колено, плечо.

Голова.

И тут же откуда-то со дна выныривает еще одна голова в ореоле спутанных темных волос.

Пустые глазницы. Сваренная заживо плоть.

Женщина в кровати кричит во сне так громко, что ее, наверное, слышно на улице. Кричит так, словно ее пропороли штыком.

Но Безымянный переулочек в этот ночной час пуст.

Безымянный переулочек хранит свои тайны.

И любит кошмары.

И тайн и кошмаров у Безымянного переулочка немало.

Глава 2

РЕЦЕПТ ПАРФЮМЕРА И БЕЛЫЕ ГОЛУБИ

19 декабря 1907 года

Яков Костомаров проснулся в своей спальне от шума — внизу в детской громко плакал ребенок. Это сын покойного брата Иннокентия Костомарова — крошка двух с половиной лет.

В детской уже вовсю суетились няньки, ими командовала вдова брата. Россыпь быстрых шагов по лестнице вниз — это семилетняя дочка брата, не слушая свою гувернантку-француженку, выскочила из классной и ринулась в детскую. Она не терпела, когда малыш плакал, и всегда принимала самое активное участие во всей этой чисто женской домашней суете.

По булыжной мостовой Андроньевского проезда, спускаясь под горку, громыхали пролетки.